

Семантика эмоционем философского эссе Альбера Камю «Бунтующий человек»

Владимир Сергеевич Тулупов 

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: stud0000233683@study.utmn.ru 

Аннотация. В данной статье рассматривается эссе французского философа-абсурдиста Альбера Камю «Бунтующий человек» и анализ эмоционем, использованных в этом произведении, на трех языках: французском, русском и английском. Используемыми методами при работе с текстом являлись принцип *différance* деконструкции Жака Деррида, а также концептуальный анализ и дискурс-анализ некоторых фрагментов произведения. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что основной перечень эмоционем, использованных Альбером Камю, сводится к следующим параметрам: эмотивная лексика, связанная с 1) огнем, 2) водой, 3) состоянием холода, 4) обезчеловечиванием, 5) эмоциональными переживаниями, 6) алкогольной интоксикацией и 7) помутнением рассудка. Значение эмоционем под пунктами 1–2 и 5 зачастую зависит от контекста, в то время как пункты 3–4, 6 и 7 в основном отражают последствия абсолютного «нет» и абсолютного «да» философии бунта, представляемые в негативном свете.

Ключевые слова: Альбер Камю, философия абсурда, эмоционемы, эмотивная лексика, деконструкция, бунтующий человек

Благодарности: Выражаю особую благодарность своему научному руководителю Белозёровой Наталье Николаевне за курирование процесса написания статьи и внесение значительных поправок.

Цитирование: Тулупов В. С. 2026. Семантика эмоционем философского эссе Альбера Камю «Бунтующий человек» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 12. № 2 (46). С. 22–37. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-22-37>

Поступила 25.11.2025; одобрена 18.06.2026; принята 12.07.2026

Semantics of emotives in Albert Camus' philosophical essay "The Rebel"

Vladimir S. Tulupov✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: stud0000233683@study.utmn.ru✉

Abstract. This article examines "The Rebel", a philosophical essay written by Albert Camus, an absurdist philosopher, and analysis of its emotives in three languages: French, Russian, and English. The research is based upon conceptual analysis and discourse analysis as well as Jacques Derrida's principle of *différance*. The author has come to the conclusion that the list of emotives used by Albert Camus may be narrowed down to the following points: emotives that represent elements of 1) fire, 2) water, 3) feeling of cold, 4) dehumanizing, 5) emotional experiences, 6) alcohol intoxication, and 7) mental clouding. The true meaning of emotives under the points 1–2, and 5 primarily depend on the context, while the emotives under the points 3–4, 6, and 7 depict the consequences of absolute "no" and absolute "yes" of the philosophy of rebellion that are usually seen as negative.

Keywords: Albert Camus, philosophy of absurd, emotives, expressive lexis, deconstruction, The Rebel

Acknowledgments: I would like to express my special gratitude to my research supervisor, Natalya N. Belozerova, for her guidance throughout the writing of the article and for her significant revisions.

Citation: Tulupov, V. S. (2026). Semantics of emotives in Albert Camus' philosophical essay "The Rebel". *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 12(2), 22–37. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2026-12-2-22-37>

Received Nov. 25, 2025; Reviewed Jun. 18, 2025; Accepted Jul. 12, 2026

Введение

Философское эссе «L'Homme Révolté (Révolté)», написанное в 1951 г., является одним из значимых произведений экзистенциальной философии и краеугольным камнем для понимания идей абсурда и бунта. В своем философском эссе Камю обращается к проблеме абсурда и бунта, выделяя следующие темы, вынесенные на обсуждение: бунтующий человек, метафизический и исторический бунт. На протяжении всего произведения автор развеивает мифы относительно абсурда и бунта и подвергает критике философов и писателей XIX–XX вв., а в особенности — мыслителей-нигилистов. Камю

приходит к выводу, что смысл бунта состоит не в разрушении установленной реальности ради политических, религиозных или личных идеалов, причиняющих вред обществу, но в созидании и солидарности, постоянном преображении и борьбе за справедливость и моральные устои.

Переведено это произведение на русский было достаточно поздно в сравнении с его публикацией на французском языке. Перевод был выполнен группой переводчиков: И. Я. Волевичем, Ю. М. Денисовым, А. М. Руткевичем и Ю. Н. Стефановым — и издан в 1990 г. издательством политической и историко-партийной литературы «Политиздат». Перевод с французского на английский язык был выполнен Энтони Бауэром, а сама книга издана в 1956 г. издательством «Alfred A. Knopf, Inc.».

В отличие от «L'Étranger», который в последнее время привлек интерес не только специалистов, занимавшихся вопросами философии, но и психологов и лингвистов, затрагивающих эмоциональные составляющие [Попыхова, 2024], цветовую символику [Прохоренкова, 2019] и особенности цветопередачи [Цыбова, 2019], «L'Homme Révolté» находится на периферии исследовательского внимания. Подавляющее большинство работ обращается к этому произведению сугубо с точки зрения анализа философских воззрений Камю и сопоставлении мировоззрений персонажей из его произведений.

Материалы и методы

Одним из методов, используемых в работе, выступает принцип *différance* из деконструкции Жака Деррида, заключающийся в одновременном сходстве и различии рассматриваемых лексических единиц. Деконструкция впервые была упомянута в «О грамматологии», в которой Жак Деррида подробно представил вышеупомянутый термин. В концепцию деконструкции, суть которой раскрывается в остальных его произведениях, входят следующие параметры: историзм, заключающийся в этимологическом анализе; метонимическая цепочка; концепт *différance*, согласно которому знаки представляют свои значения только через анализ общих и различных сторон каждого из них, и концепт текста. При анализе философского эссе Альбера Камю использовался предпоследний пункт деконструкции Жака Деррида. В дополнение к этому, нами используются концептуальный анализ и дискурс-анализ при рассмотрении некоторых фрагментов произведения для установления особенностей передачи заложенного в оригинале смысла. Целью данной статьи является выявление и анализ основных семантических групп эмоцием в философском эссе Альбера Камю «Бунтующий человек» и их передача на русский и английский языки.

Обзор литературы

Как отмечалось выше, «Бунтующий человек» привлекает внимание исследователей с точки зрения анализа концепций Альбера Камю. В частности, многочисленные статьи либо раскрывают философию бунта и абсурда (акцентируя внимание на молчании Вселенной и безразличии к герою окружающего его мира [Bouhafs, 2026]), либо обращаются к анализу мифологических реалий в разбираемом эссе [Бондарев, 2024]. Обращение

к этим аспектам необходимо для полного понимания Камю как писателя и философа, ведь мифы для него, как отмечает один из исследователей, — «это образ отчаянно ясной красоты, в котором бунтарь переходит из мрака к свету или наоборот» [Yılmaz, 2017, с. 14]. Что касается последнего, то на основании упоминаемых в произведениях Камю персонажей мифологии такие исследователи, как С. И. Великовский, склонны разделять его творческий путь на три цикла:

- 1) цикл «Абсурд», в который входят повесть «Посторонний», философское эссе «Миф о Сизифе», пьесы «Калигула» и «Недоразумение»;
- 2) цикл «Бунт», к которому относятся роман «Чума», пьеса «Праведные» и философское эссе «Бунтующий человек» и др.;
- 3) цикл «Изгнание», представленный повестью «Падение» и сборником рассказов «Изгнание и царство».

Каждый из циклов представлен одним персонажем из греческой мифологии: философия абсурда воплощена в образе Сизифа, а период «Бунт» — в фигуре Прометея. Примечательно то, что российские и зарубежные исследователи творчества Альбера Камю согласны с разграничением циклов «Абсурд» и «Бунт» и выступающих в каждом из них мифологических фигур, но при рассмотрении «Изгнания» появляются разногласия. В отечественной литературе С. И. Великовский — один из немногих, кто выделяет третий период творчества Камю, подчеркивая его особенность тем, что французский философ «постепенно утрачивал определенность мировоззренческих устремлений» [Великовский, 2015, с. 156]. Остальные исследователи либо останавливаются на первых двух циклах и обозначенных мифологических персонажах, либо идут дальше и выделяют третий, носящий название «Любовь», произведения которого, основываясь на анализе оставленных Камю незаконченных произведений и дневников, должны были быть сконцентрированы на образе Немезиды [de Araújo, 2016].

Несмотря на философские концепции и мифологические реалии, акцент на которых мы сделали выше, наш интерес к этому произведению в первую очередь объясняется большим количеством эмоционально-экспрессивной лексики, используемой Камю для объяснения философии бунта. Как только бунтарь отходит от своей изначальной цели, заключающейся в преображении, созидании и единстве, он встает на путь разрушения. Исходя из этого, нами предпринимается попытка установить перечень эмоционем, указывающих на негативные последствия искаженного понимания философии бунта, ведь именно в этих случаях Камю в своем эссе прибегает к усиленному использованию эмоционально окрашенной лексики.

Обсуждение

Абсурд, бунт и природа

Обращение Камю к элементам природы — явление нередкое в его произведениях. Знойное солнце из «Постороннего» не раз привлекало внимание исследователей, в частности его способность «вызывать ужас и сводить с ума» [Гальцова, 2022, с. 260].

До убийства араба Мерсо неоднократно отмечал беспощадность и невыносимость солнца, указывая на невозможность скрыться от него: «Я знал, что это гаупо, что я не спрячусь от солнца». В этом произведении источник света и тепла приносит невыносимое страдание, которое подталкивает героя к совершению преступления. Небесное светило и морской берег часто становятся элементами пейзажа автора, и это можно усматривать в том факте, что он был уроженцем Алжира и там провел свои ранние годы. Несмотря на его разрушительную силу в других произведениях, у Камю оно выступает элементом, без которого нельзя представить умиротворенную атмосферу. Природа (особенно солнце) увековечилась в его философии настолько сильно, что в своем эссе «Лето» он отмечает: «В моей памяти хранится так много солнца, как я могу настаивать на абсурде?» [Камю, 2022, с. 187].

«Бунтующий человек» не стал исключением. В течение всего рассматриваемого нами произведения идея бунта предстает как сила, связанная с элементами окружающего мира. Особенно актуально это в контексте обсуждения мыслителей Античного мира, которые обожествляли силы природы и приписывали климатические изменения божественным прихотям. Чаще всего для выражения идеи бунта используются элементы воды: *Elle libère des flots qui, de stagnants, deviennent furieux* (рус. Застойные воды он превращает в бушующие волны / англ. *It liberates stagnant waters and turns them into a raging torrent*) — и огня: *Autour de ce brasier dévorant, des combats d'ombres s'agitent un moment* (рус. Вокруг этого ненасытного огня мечутся и тут же исчезают тени... / англ. *Around the devouring flames, shadows writhe in mortal combat for an instant of time and then as suddenly disappear*). Первое часто используется в контексте последствий, к которым приводит погружение в одну из крайностей абсурдного существования человека, а именно идея потопа и разрушения. Отсюда раз за разом повторяющийся мотив социальных движений, *écrasées dans le sang* (рус. потопленных в крови / англ. «drowned in blood»). Последнее нередко ассоциируется с фигурой Прометея, титана, укравшего огонь у богов и даровавшего его впоследствии людям. Герой-бунтарь, таким образом, способствовал установлению общественной жизни людей, их последовавшему объединению вокруг источника комфорта и света, на поддержание которого требовались совместные усилия. В дополнение к этому, лексические единицы с элементом пламени, подобно потопу, могут указывать на разрушительные происшествия или выражать спонтанные, мотивированные чем-либо действия.

Представление о бунте и других философских воззрениях как о стихии подкрепляется и тем, какие обороты для выражения этой мысли использует Камю. Оба этих элемента служат выражением душевного состояния человека. Приведем некоторые из таких лексических единиц: *cette part chaleureuse* (рус. душевный жар); *la terrible exaltation d'une action brève et dévorante* (рус. огонь краткого и всепоглощающего действия / англ. *the terrible exaltation of a brief and destructive action*); *Le bien foudroie* (рус. добро испепеляет); *c'est avec l'exaltation des néophytes qu'il écrit* (рус. он со всем пылом новообращенного писал / англ. *it is with the exaltation of a neophyte*); *la source de ces pensées enflammées* (рус. корни этих воспламененных мыслей); *une juste idée de l'espoir brûlant* (рус. представление о пылкой

vepe / англ. *a fair idea of the burning hope*); *sa fièvre et sa passion* (рус. *пыл своей страсти* / англ. *his conviction and passion*) и др. Примечательно, что в некоторых фрагментах перевод на русский, в отличие от оригинала и английского варианта, добавляет элемент огня при передаче эмоциональной составляющей. Как мы можем заметить в одном из примеров (*огонь краткого и всепоглощающего действия*), *exaltation* выражает психическое состояние, и никакого намека на огонь или какую-либо другую стихию в оригинале не замечено. Русский перевод не только преобразует это понятие, переводя его из эмоционального плана в физический, но и связывает его с пламенем и его бесконтрольной и «всепоглощающей» натурой. Похожую ситуацию наблюдаем в примере «пыл своей страсти». У Камю эта фраза представлена двумя понятиями: *fièvre* (лихорадка) и *passion* (страсть). Русский перевод редуцирует заложенный в оригинал смысл до огненного элемента, отбрасывая соотношение телесного и душевного.

Интересен следующий пример: *Le bien foudroie* (рус. *Добро испепеляет* / англ. *Good strikes like a thunderbolt*). В оригинале, как и в английском варианте, добро сравнимо с ударом молнии, появление которой так же неожиданно, как и разрушительно. В дополнение к этому, удар молнии может ассоциироваться с явлением сакрального, ведь в древних обществах это считалось проявлением акта божественного вмешательства. В русском переводе молния заменяется огнем, что не только меняет процесс (резкий удар молнии и постепенное сгорание в языках пламени), но и возможную интерпретацию (так, огонь в философии обычно ассоциируется с Гераклитом, который считал его основой всего сущего). Примечательно изменение природного элемента в следующем примере: *la source de ces pensées enflammées* (рус. *корни этих воспламененных мыслей* / англ. *derivation of his inamed imagination*). В оригинале используется лексема *la source*, которая может быть истолкована либо как место или причина чего-либо, либо как естественный водный поток. Происходит соединение противоположных по своей природе стихий. Русский перевод нарушает оппозицию, заменяя элемент воды корнями. Таким образом, корни служат топливом для «воспламененных мыслей». В английском варианте метафорический образ теряется полностью.

Сравнение бунта с огнем особенно сильно акцентирует его природу под влиянием философских воззрений, ведь человек постоянно находит себя между конфликтующими началами, которые способны как воодушевить его и направить в сторону созидания и творения, так и отобразить его непостоянную, часто саморазрушительную и деструктивную для остальных натуру.

Особенно это заметно в тех моментах, когда Камю размышляет об искусстве и самовыражении. Сам Камю, повествуя о том, что для него писательство, объясняет, что это честь и «крест несчастья и факел надежды». Приводя в пример Андре Бретона и весь сюрреализм, он объясняет, что в сердце их идеологии стоит замысел *de fondre les contradictions au feu du désir* (рус. *пепелавить противоречия в огне желания и любви* / англ. *dissolving contradictions in the res of love and desire*). В этом предложении Камю противопоставляет этим противоречиям *les murs de la mort* (рус. *стены смерти*), которые они должны разрушить. Именно эти эмоциональные всплески, этот человеческий *cette part*

chaleureuse (рус. душевный жар / англ. *the passionate side of his nature*), выступают одновременно как возможность для изменения обстоятельств в лучшую сторону и избавления человечества от трудностей, которые оно само из поколения в поколение производит без устали, так и причиной многих зверств и бесчеловечных поступков, оставляя эти стены запачканными в крови. Эти на первый взгляд несовместимые элементы находят свое выражение в романтизме. Недаром романтические герои, живущие одним моментом, заканчивают свою судьбу тем, что *aimer dans la flamme et le cri* (рус. любят в пламени и воплях / англ. *to give a cry of exultation as one perishes in the flames of passion*). В этом состоит их борьба и, следовательно, смысл жизни: беспрецедентный вызов, бросаемый Всевышнему, и последующее угасание в пропасти.

В дополнение к мысли, высказанной нами ранее, огонь не всегда отождествляется с созиданием и актом преображения. Так, например, приводя в пример Маркиза де Сада с его, как выражается Камю, абсолютным «нет», он показывает, что эта стихия выступает в роли *l'enfer de la nécessité* (рус. некла необходимости / англ. *the hell of their desires*). Такое перевертывание для него нередко, ведь таким образом автор намеревается показать, что во всем, а в особенности у политических и философских воззрений, должен быть баланс. Иначе то, что начиналось с благих намерений, заканчивается дорогой, ведущей к разрушениям, подобно *Les pages brûlantes de Bakounine... crient passionnément cette joie de détruire* (рус. пламенным страницам Бакунина... переполненным этой разрушительной страстью / англ. *Bakunin's burning words... vehemently proclaim this pleasure in destruction*), и следующим за этой страстью уничтожением моральных ценностей.

Лексемы, связанные с холодом, как противоположные образам: *Il a pitié, une pitié froide* (рус. Он испытывает жалость, холодную жалость / англ. *He has pity, a cold pity*), *la clarté froide et implacable* (рус. холодный неумолимый свет / англ. *the cold and implacable clarity*), *des commandements froids et clairs* (рус. холодные четкие команды), *dans un camp où régnaient le froid et la faim* (рус. провели долгие годы в концлагерном голоде и холоде). В первом примере переводчик на русский сохраняет интенцию оригинала, в то время как во втором он низводит *la clarté* до физического образа света. Таким образом, при переводе теряется заложенная в это слово ясность мысли. Что касается фразы *des commandements froids et clairs* (англ. *with the coldness and precision of commandments*), то при переводе на русский исчезает возможная интерпретация *commandement* как заповеди, следовательно, передача религиозно-морального оттенка становится невозможной. В последнем примере также замечаются расхождения. В оригинале холод и голод царят в концлагере, таким образом являясь его хозяевами, его управляющими. Русский перевод заменяет эту идею, описывая их как состояния, которые испытывает человек. Похожая ситуация наблюдается при переводе на английский язык (англ. *in a camp where cold and hunger were almost unbearable*). Приведенные эмоционемы указывают в некоторых случаях на отсутствие сострадания, в то время как другие — на суровую реальность бытия, показывая, к чему могут привести новые Прометеи с их идеологиями и бесчувственной логикой.

Всё сводится к тому, что именно от индивида зависит, чем обернется эта строптивая стихия: станет ли она воплощением объединяющего начала в руках нового *Prométhée*

porte feu (рус. Прометей-огненосца / англ. *Prometheus the Fire-bringer*) или причиной, из-за которой *d'ignobles bûchers s'élèvent* (рус. начинают разводиться злоеющие костры / англ. *the ignoble aspect of an inquisition*), обрекая на смерть бесчисленные жизни в *dans un camp où régnaient-le froid et la faim* (рус. концлагерном голоде и холоде).

Душевные страдания и помутненное сознание

Нередко можно встретить на страницах этого произведения усиленное использование Камю эмоционем в отношении нигилизма и его философов. Данное явление объясняется тем фактом, что Камю на протяжении всего эссе непрестанно критикует это философское воззрение ввиду его жестокости и лицемерной природы: отказавшись от моральных устоев, в центре которых стояло христианство, и «вытеснив» Бога из картины мира, философы-нигилисты пытались построить на этом фоне новое будущее, во главе которого стоял бы человек. Однако средства, использовавшиеся людьми для воплощения этого идеала в жизнь, лишь породили насилие, как и обвиненные во всём опрокинутые небеса. Человек, коривший Бога за все страдания, которые выпали на его долю, оказался ничем не лучше по отношению к своим собратьям.

Лексика, которую использует Камю для выражения философии абсурда и бунта, а именно экзистенциального противостояния человека и молчаливой вселенной, не случайна. Говоря о внутреннем раздоре и противоречиях, обременяющих человека, автор часто прибегает к использованию глагола *déchirer* (сущ. *le déchirement*, прил. *déchirant*), подчеркивая, таким образом, эмоциональные муки, через которые проходит человек в поисках смысла в мире тоталитарных государств и повсеместной ненависти. Его буквально «раздирает» не стихающий конфликт противоречий, которые нередко вызывают вызваны чувствами любви, ненависти и упомянутого осознания абсурда бытия: *les instants déchirants de cet amour sans égal* (рус. самые душевраздирающие моменты этой ни с чем не сравнимой страсти / англ. *moments, at least, of agony in her extraordinary passion*), *du cri déchirant de Karamazov* (рус. душевраздирающий вопль Карамазова / англ. *heartrending cry of Karamazov*), *C'est la déchirante et fugitive découverte d'une valeur humaine* (рус. душевраздирающее и молниеносное постижение человеческой ценности / англ. *It is the agonizing and fugitive discovery of a human value*). Примечателен тот факт, что в переводе на русский язык данное состояние иногда переводится словом *надрыв*, как бы сознательно отсылая читателя к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», где оно является одним из ключевых понятий произведения. Надрыв представляет собой непримиримые внутренние противоречия, которые мучают человека и подталкивают его к совершению поступков, направленных на принижение достоинства, а порой и на разрушительные действия. На английский язык это понятие переведено как *anguish*, означающее «*extreme pain, distress, or anxiety*». В сравнении с французским и русским, данная лексическая единица недостаточно точно и полно передает смысл понятия надрыва, этого нескончаемого раздора, в который погружена душа. Однако в английской версии «Братьев Карамазовых» используется слово *laceration*, которое в равной мере передает смысл лишь поверхностно.

В отличие от героев Ф. М. Достоевского, бунтарь не может позволить себе впадать в крайности, как это делали денди, сюрреалисты и представители исторического нигилизма. Игнорирование философии бунта показывает его как личность в душевном плане нестабильную, что ярко иллюстрируется используемой Камю лексикой. Человек, который в конечном итоге впадает в крайность, либо *invoquaient excuse amour* (рус. *ссылается на овладевшую ими страсть* / англ. *plead love as their excuse*), либо совершает преступления, *des crimes de logique* (рус. *продиктованные бесстрастной логикой* / англ. *crimes of logic*). Обе крайности имеют дело с несчастным сознанием, однако в первом случае личность не способна устоять перед *délectable limite* (рус. *искушением предела* / англ. *delectable end*). При сопоставлении переводов с оригиналом можно заметить, что русский вариант выделяется на фоне остальных: любовь заменяется страстью, которая противопоставлена холодной логике. Камю и переводчик на английский сохраняют за человеком способность выбора и ответственность за свои решения (индивид совершает преступление осознанно во имя любви или логики). Русский вариант подчеркивает две крайности, в которых личность предстает рабом как своих эмоций, так и бесстрастной логики.

Отдельного внимания заслуживает пассаж о Рембо и его мытарствах и связи с философской концепцией человека абсурда. Рассуждая о жизни и творчестве этого французского поэта, Камю пишет следующее: «Рембо вынашивал замыслы „Поры в аду“ и „Озарений“ одновременно. Если даже он написал эти произведения одно вслед за другим, он был болен ими одновременно». Эта идея переключается с мыслью Жака Деррида, который писал, что «поэт тем самым *подлежит* (курсив не наш. — В. Т.) книге, он — ее материя и ее владыка, прислужник и тема» [Деррида, 2000, с. 84]. Будучи раздираемым изнутри душевными противоречиями, поэт вынашивает свои замыслы, изматывающие его и тем не менее дающие силы продолжать творить и говорить о своих стенаниях. Удачен в этом плане выбор глагола *боле́ть*, который как нельзя лучше раскрывает оригинал (... *il les a souffertes dans le même moment*). Эта лексическая единица может выражать не только нахождение человека в состоянии болезни, но и его тревоги и опасения в отношении какого-либо субъекта (например, *боле́ть за кого-то*). В английском варианте часть «был болен ими» совпадает с оригиналом: «he experienced the suffering of both of them at the same time», в то время как словосочетание «вынашивал замыслы» (фр. *que Rimbaud a porté*) было заменено на «carried the seeds of the Season in Hell (*Une Saison en Enfer*)», что одновременно лишает текст определенности и открывает смыслы для новых интерпретаций. Подобного рода метафоры, переключаясь с тематикой роста и увядания подобно растениям, встречаются повсеместно как в упомянутом переводе, так и в оригинале и русской версии, и дополняют идею понятия бунта как воплощение природного начала.

Хотя человек и понимает, что его существование есть не что иное, как бессмысленность, он тем не менее продолжает цепляться за свою жизнь, борясь с жестокой молчаливой вселенной. Раньше проблема бунта не стояла так остро, поскольку она была разрешена для людей древнего мира традицией — еще до того, как они могли поставить перед собой вопрос о бунте, ответ на него заранее был дан в понятии священ-

ного. В сакрализованном мире нет такой проблемы, как нет вообще никаких реальных проблем, поскольку все ответы даны раз и навсегда. Совесть при совершении *des crimes si candides* (рус. *простодушных злодейств*) оставалась чиста. Поэтому, если раньше ответом на вопрос существования являлись религиозные концепты в виде Бога, рая и ада, то с начала XX в. идеалы прошлого, рухнувшие под напором нигилистической мысли, отныне не имели такой силы, как раньше: «человек стоит один в мире, и стоит перед пустыми небесами ...» [Мальцев, 2016, с. 16]. Единственное, что ему оставалось, — сопротивляться абсурду бытия, делая сам акт сопротивления целью своего существования. Бунт, воодушевленный философией нигилизма и озлобленный по своей натуре, извратил прежние идеалы и *coïncide en réalité avec un consentement meurtrier* (рус. *стал скорее мертвящим соглашательством* / англ. *becomes in reality an acquiescence in murder*), нежели освободительным движением человека, борющегося за свои права.

В конечном итоге философия нигилизма, извращенная политическими режимами, вылилась в убийство человека в физическом и душевном плане. Поэтому Камю нередко прибегает к обезчеловечиванию тех, кто поддерживал подобные взгляды, отождествляя их с неспособными к самоконтролю животными. Приводя в качестве примера одно из многих гитлеровских преступлений, в частности разрушение Лидице, Камю наделяет людей, ответственных за исполнение отданного их вождем приказа, характеристиками диких зверей:

Оригинал	Английский перевод	Русский перевод
Ou bien la répression calculée et l'exécution froide d'otages, ou bien la ruée sauvage , et forcément brève, de soldats exaspérés .	Either calculated repression and cold-blooded execution of hostages, or a savage and necessarily brief sack by enraged soldiers .	Либо расчетливые репрессии и хладнокровное истребление заложников, либо остервенелый — и в силу этого непродолжительный — налет карателей .

Данный пример, как и многие другие, обращавшиеся к гитлеровским преступлениям, и возложение надежд на нигилизм лишает личность всего, что хоть отдаленно напоминает человеческое, что могло быть ей присущим. Оттого в этом случае особое внимание стоит уделить слову *остервенелый*. Помимо значения «пришедший в состояние крайней ярости» стоит посмотреть на его этимологию. Согласно словарю Даля, происходит оно от слова *стерва* (ж.) и *стерво* (ср.) и означает «труп околевшего животного, скота; падаль, мертвечина». Так как оно стоит в одном предложении со словом *налет*, предстает сознанию картина карателей-падальщиков, бросающихся на заложников, не способных никаким образом противостоять своим мучителям. Таким образом, прислужники тоталитарного режима низводятся до диких зверей, нападающих на все без разбора и убивающих жизнь в любом ее проявлении. Замечание, которое Камю высказал по поводу логики Маркиза де Сада, ярко отображает положение вещей среди служителей кровавых тиранов, ведь как только хоть один из них начинает задаваться вопросом о том, хорошо ли то, что проповедует государство, либо ставит под сомнение их привилегии, *est aussitôt rejeté du troupeau, et redevient victime* (рус. *он тотчас изгоняется из стаи и снова становится жертвой*).

Лексические единицы, использованные в данном фрагменте, можно выделить в два полюса: контролируемость и стихийность. Первое семантическое поле представлено следующими лексемами:

1. Оригинал: *calculée*.
2. Английский перевод: *calculated*.
3. Русский перевод: *расчетливые*.

Семантическое поле стихийности представлено следующими лексическими единицами:

1. Оригинал: *sauvage, exaspérés, forcément brève*.
2. Английский перевод: *savage, enraged, necessarily brief*.
3. Русский перевод: *остервенелый, непродолжительный*.

Самый сильный сдвиг происходит при переводе слова *soldats* на русский язык. В данном случае солдаты превращаются в *карателей*, что дополнительно подчеркивает роль военнослужащих в тоталитарных государствах — а именно их изображение как лишенных человечности слуг бесчеловечного режима. Изотопия контролируемости/стихийности подчеркивает невозможность морального выбора между двумя проявлениями зла в условиях политического насилия.

Марат, как и Маркиз де Сад, — одна из многих исторических личностей, к которым обращается Камю по ходу произведения, ведь его воззрения представляются ничем не лучше философов-нигилистов и равным образом подвергаются обесчеловечиванию ввиду их жестоких воззрений. Оправдывая убийство тысяч людей ради блага общества (ведь цель, согласно его логике, оправдывает любые средства, направленные на ее воплощение), *Il écrivait encore dans les nuits de septembre, au fond de sa cave, à la lueur d'une chandelle* (рус. он писал сентябрьскими ночами в глубине своей конуры при свете свечи) о муках, которые пришлось бы выносить пойманным и заключенным. Вскоре Камю открыто называет его *au triste Marat, singe de Rousseau* (рус. мрачным Маратом, этой обезьяной Жан Жака Руссо), еще более акцентируя как несостоятельность его идей, так и его душевную дикость.

Использование подобного рода лексических единиц только сильнее акцентирует отношение автора к нигилизму и прочим философским идеям и их заблуждениям. Привычные ценности, такие как честь, долг, совесть, которые раньше были несокрушимы, как и образ Бога, потеряли свою значимость, а человек, более не удерживаемый данными моральными устоями, был недалек от того, чтобы оправдать любую форму насилия, поскольку мир абсурден и лишен смысла, соответственно, он освобождается от наказания за причиняемый им вред. В этом и состоит пагубное влияние этой философской мысли, ведь подобного рода нигилизм «... стремится умножать насилие, зло, террор. Появляется культ насилия, тем самым, бунт предает себя» [Третенко, 2020, с. 48].

Прием обесчеловечивания повторяется раз за разом в этом произведении, и сводится это к тому, что человек, поддавшийся эмоциональным порывам и безжалостному голосу *un obscurantisme rationaliste* (рус. рационалистического мракобесия / англ. *rationalist obscurantism*), перестает быть человеком в привычном плане. Оказываясь во власти одной из крайностей, индивид перестает мыслить трезво и здраво, что наносит вред не только на индивидуальном уровне, но и на общественном. Представим некоторые

из эмоционем такого характера: *une brute* (рус. зверь в человеческом обличье), *torturer sadiquement* (рус. садистские пытки / англ. *sadistically tortured*), *une idole qui a le mufle de la puissance* (рус. звероголовый идол), *le meurtre* (рус. сплошная оргия убийства / англ. *an act of sacrifice and murder*), *la fureur irrationnelle* (рус. иррациональное остервенение / англ. *irrational fury*), *le hurlement primitif* (рус. вой первобытной орды), *les fureurs nationalistes* (рус. националистические безумства / англ. *nationalist excesses*), *les jouisseurs au groin de porc* (рус. свинорылые жуиры / англ. *“hog-faced” pleasure-seekers*) и т. д.

Примечательно, что перевод на русский ужесточает заложенную Камю мысль, сознательно усиливая элементы жестокости. На примерах *le hurlement primitif*, *une idole qui a le mufle de la puissance* мы замечаем конкретизацию: в первом случае источник воя — первобытная орда, когда во втором — звероголовый идол. Второй пример отсылает читателя к образу египетского бога с головой животного, однако в контексте разбираемого эссе данное божество лишается своей человеческой составляющей; остается лишь зверь, которому неведомы понятия гуманности. Английский вариант максимально близок к оригиналу (англ. *an idol that has the snout of power*). Интересен и перевод *une brute*, которое в русском представлено в виде *зверя в человеческом обличье*. У Камю *une brute* (как и в переводе на английский *a brute*) — это зверь, в то время как переводчик на русский смешивает понятия человеческого и животного с доминированием последнего. Утрата последнего подчеркивается усиленным акцентом на зооморфизме в слове *остервенение*, которое в оригинале и английском переводе выражено лексемой *ярость*. Усиление жестокости и распушенности происходит и при переводе *le meurtre* как «сплошная оргия убийства»: переводчик подчеркивает упоение «зверя в человеческом обличье» чрезмерной и бессмысленной жесткостью.

Представленная выше лексика иллюстрирует последователя нигилизма как личность, утратившую связь с человеческой составляющей. Такого индивида можно сравнить с вурдалаком, который *assouvit sa nostalgie sur les personnes* (рус. утоляет свою ненасытную жажду соками живой человеческой личности). В русском переводе теряется оригинальная мысль о ностальгии, как и в английской версии эссе (англ. *gratifies its desires on humanity*). Она заменяется желаниями, которая при переводе на русский переходит в жажду, что усиливает гротескность происходящего. Начиная с этого самого момента, он лишён способности созидать и творить, в чем и заключается основа философии бунта, но прежде всего — сочувствовать ближнему своему. Именно отсутствие последнего, эта душевная инвалидность, и объясняет факт того, что чем дальше Камю уходит от размышлений о древнегреческих мифах и мышлении людей древнего мира, которые еще пытались оставаться в согласии с окружающей их природой, тем большее количество эмоционально окрашенной лексики появляется на страницах его философского эссе.

Нередко наряду с упомянутыми эмоционемами употребляются лексические единицы, ярко иллюстрирующие состояние эмоциональной или психологической нестабильности у личностей со сбитым моральным компасом. Люди, являющиеся представителями деспотических режимов, находятся в помутненном состоянии ума: часто их воззрения сравнимы с алкогольной интоксикацией или помутнением рассудка. Будь то *une marche*

hallucinante du non total au oui absolu (рус. галлюцинаторное движение от абсолютного «нет» к абсолютизму «да» / англ. *an illusory advance from the total no to the absolute yes*), *une époque enfiévrée de nihilisme* (рус. лихорадочный нигилизм / англ. *generation intoxicated by nihilism*) и его размышления совместно с наличием *de toutes ces folies, sublimes ou puériles* (рус. безумств, возвышенных или низменных / англ. *all these extravagances, whether sublime or puerile*), или век идеологий, о котором Камю писал, что «*nous sommes dans la folie*» (рус. мы пребываем в безумии / англ. *we are insane*), живя в одну из таких эпох, *les époques folles d'unité* (рус. ошалело рвущихся к единству / англ. *periods... bent on unity to the point of madness*), или национал-социализм с его зверствами и бесчеловечными постулатами, который выступает *l'aboutissement rageur et spectaculaire du nihilisme* (рус. временным наследником, неистовым итогом нигилизма / англ. *the speculative and rabid outcome of nihilism*) с *la religion hitlérienne, n'a ainsi suscité qu'une rage démesurée de néant* (рус. его бешенным всплеском небытия / англ. *the Hitlerian religion, thus only aroused an insensate passion for nothingness*), — всё сводится к тому, что, как только человек бросается в одну из крайностей, отрицая идеи бунта и, таким образом, предавая не только себя, но и людей, его окружающих, он оказывается *dans le sang et les clameurs du siècle* (рус. среди крови и криков нашего столетия / англ. *in the blood and strife of this century*). Его воззрения приводят к тому, что в конечном итоге он поддается *elle l'oublie... dans une ivresse de tyrannie ou de servitude* (рус. хмелю тирании или раболепия / англ. *It... plunges into a mire of tyranny or servitude*), обрекая на гибель не только себя, но и других людей.

На примере *de toutes ces folies, sublimes ou puériles* (рус. безумств, возвышенных или низменных / англ. *all these extravagances, whether sublime or puerile*) мы видим, что оригинал и перевод на английский обращают внимание читателя на незрелость происходящих безумств, в то время как в русском варианте происходит сдвиг в сторону морали. Незрелость подчеркивается и «хмелем тирании и раболепия», под воздействием которого находятся последователи разрушительной философии. В английском переводе вместо алкогольного опьянения появляется образ болота, который в данном контексте может означать состояние застоя и безнадежности, однако в сравнении с русским вариантом сохраняется значение оригинального *servitude*. Рабство (*servitude*) — это социально-политическое состояние, в то время как раболепие — это льстивое угодничество, низкопоклонство, сознательное и добровольное пресмыкательство перед кем-либо или чем-либо. Русский перевод смещает акцент с политического аспекта на психологический и подчеркивает инфантильность людей, отрицающих идеи бунта.

Вызывает отдельный интерес перевод заявления Камю о веке, в котором он жил (фр. *nous sommes dans la folie*). В оригинале и русском переводе смысл заключается в том, что состояние безумия — временное. В данном случае подчеркивается состояние эпохи, в которой пребывает человек: повсеместное оправдание насилия идеологическими режимами, подавление свободы слова тоталитарными государствами ставят вопрос о психическом здоровье индивида в текущую эпоху. Исходя из этого, люди пребывают в безумии: они начали забывать, что такое человечность и сострадание. Английский вариант ставит читателя перед фактом: человек этой эпохи безумен. Таким образом, пропадает акцент на среде, в которой находится отдельно взятый индивид.

Ассоциируя последователей нигилизма и людей, отрицающих идеи абсурда и бунта, с индивидами, погрязшими в душевных пороках, Камю, следовательно, осуждает их раболепие перед политическими системами, в *bien cette Europe décharnée* (рус. *этой обескровленной Европе* / англ. *disembodied Europe*), выступая, таким образом, ее «неподкупной совестью» [Ярычев, 2020, с. 175]. В центре его философии стоят принципы морали, и этим объясняется большое количество эмоционем, обращенных в адрес поборников философии разрушения, деспотов и тиранов, угнетающих собственный народ, и простых обывателей, оправдывающих происходящее либо относящихся к нему с равнодушием.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что затронутые нами группы эмоционем, связанные со стихиями огня, воды, с состоянием холода, обесчеловечиванием, эмоциональными переживаниями, алкогольной интоксикацией и помутнением рассудка, способствуют акцентированию внимания читателя на философских течениях и воззрениях, критикуемых Камю в философском эссе «Бунтующий человек». Большинство из представленных нами примеров отражает негативные последствия, которые порождает отказ от изначальных идеалов движения бунта. Именно поэтому Камю, говоря о крайностях этого направления, намеренно усиливает градус повествования, чтобы показать читателю, насколько разрушительной является любая философская доктрина, отвернувшаяся от принципов созидания и творения и потерявшая баланс между абсолютным «нет» и абсолютным «да», на котором и зиждется его философия.

Сравнение французского, английского и русского вариантов эссе показало, что русский перевод ставит особый акцент на жестокости и насилии при изображении человека, часто дегуманизируя его и отождествляя его со зверем. Таким образом, происходит усиление зооморфных элементов. В дополнение к этому, нередко переводчик на русский язык передает эмоциональное напряжение посредством уподобления его огню, тем самым подчеркивая разрушительный аспект потери индивидом контроля над собой. Что касается английского перевода, то подобной тенденции не наблюдается: переводчик старается быть наиболее близким к оригиналу, сохраняя нейтральность. Тем не менее при сравнении с русским вариантом в английском отмечается упрощение стилистических особенностей оригинала и более частая потеря или искажение пространственных метафор.

Список источников

- Бондарев А. П. 2024. Амбивалентный образ Прометея–персонификация диалектики природы и цивилизации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 9 (890). С. 143–152. <https://cyberleninka.ru/article/n/ambivalentnyy-obraz-prometeya-personifikatsiya-dialektiki-prirody-i-tsivilizatsii> (дата обращения: 14.07.2026).
- Великовский С. И. 2015. Грани «несчастливого сознания». Театр, проза, философская эссеистика, эстетика Альбера Камю. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 208 с. ISBN 978-5-98712-501-4.

- Гальцова Е. Д. 2022. Солянный миф в раннем творчестве Альбера Камю // Статьи о французской литературе. С. 249–263.
- Деррида Ж. 2000. Письмо и различие / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина; науч. ред. В. Ю. Кузнецова. СПб.: Академический проект. 496 с. ISBN 5-8291-0088-6.
- Камю А. 1990. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат. 415 с.
- Камю А. 2022. Изнанка и лицо; Брачный пир; Лето: [сборник] / пер. с фр. М.: АСТ. 224 с.
- Мальцев Я. В. 2016. Бытие и другой в философии А. Камю // Социум и власть. № 6 (62). С. 15–19.
- Попыхова А. А. 2024. Особенности передачи эмоциональных составляющих в оригинале романа А. Камю «Посторонний» и в его русскоязычных переводах // Stephanos. Т. 67. № 5. С. 127–134. <https://stephanos.ru/izd/2024/2024-67-12.pdf> (дата обращения: 14.07.2026).
- Прохоренкова С. А. 2019. Цветовая символика в литературно-философских трудах экзистенциалистов // Известия Байкальского государственного университета. Т. 29. № 2. С. 193–197. <https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetovaya-simvolika-v-literaturno-filosofskih-trudah-ekzistentsialistov> (дата обращения: 14.07.2026).
- Третенко А. В. 2020. Абсурдность мира и проблема бунта в экзистенциализме А. Камю // Colloquium-Journal. № 1-6 (53). С. 46–49.
- Цыбова И. А. 2019. Языковые особенности цветопередачи в романе А. Камю «Посторонний» // Верхневолжский филологический вестник. № 2. С. 129–132. <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-tsvetoperedachi-v-romane-a-kamyu-postoronniy> (дата обращения: 14.07.2026).
- Ярычев Н. У. 2020. Абсурдность мира и философия бунта Альбера Камю // Экономические и гуманитарные исследования регионов. № 3. С. 174–180. https://www.cegr.ru/docs/archive/journal_3_2020.pdf (дата обращения: 14.07.2026).
- Bouhafs F. 2026. Albert Camus: From the silence of the world to revolt // Corps et Psychisme. Recherches en Psychanalyse et Sciences Humaines. Vol. 13. No. 1. Pp. 1675–1685. <https://corpsetpsychisme.com/cp/article/view/301> (дата обращения: 14.07.2026).
- Camus A. 1951a. L'Homme révolté. Paris: Gallimard. 382 pp.
- Camus A. 1951b. The Rebel: An Essay on Man in Revolt. New York: Alfred A. Knopf.
- de Araújo R. L. 2016. Albert Camus et la poétique de Némésis // Loxias. Doctoriales XIII, 54. <https://hal.science/hal-04519724v1> (дата обращения: 14.07.2026).
- Yilmaz A. 2017. Les mythologies chez Albert Camus: volonté et singularité d'une condition duelle // Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. № 29. С. 7–16. <https://dergipark.org.tr/en/pub/pausbed/article/1380962> (дата обращения: 14.07.2026).

References

- Bondarev, A. P. (2024). Ambivalent image of Prometheus as a personification of the dialectic of nature and civilization. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, (9), 143–152. [In Russian]
- Velikovskiy, S. I. (2015). *Faces of "Unhappy Consciousness". Theatre, Prose, Philosophical Essay Writing, Aesthetics of Albert Camus*. 2nd edition. Centre for Humanitarian Initiatives. ISBN 978-5-98712-501-4. [In Russian]

- Galtsova, E. D. (2022). The solar myth in the early works of Albert Camus. *Articles on French Literature*, 249–263. [In Russian]
- Derrida, J. (1978). *Writing and Difference* (Translated by A. Bass). University of Chicago Press.
- Camus, A. (1990). *The Rebel. Philosophy. Politics. Art*. Politizdat. [In Russian]
- Camus, A. (2022). *The Wrong Side and the Right Side; Nuptials; Summer* [L'Envers et l'Endroit; Noces; L'Été] (Translated from French). AST. [In Russian]
- Maltsev, Ya. V. (2016). Being and the Other in the philosophy of Albert Camus. *Socium and Power*, (6), 15–19. [In Russian]
- Popykhova, A. A. (2024). Features of the transfer of emotional components in the original novel by A. Camus “The Stranger” and in its Russian translations. *Stephanos*, 67(5), 127–134. [In Russian]
- Prokhorenkova, S. A. (2019). Color symbolism in the literary and philosophical works of existentialists. *Izvestiya of Baikal State University*, 29(2), 193–197. [In Russian]
- Tretenko, A. V. (2020). The absurdity of the world and the problem of revolt in the existentialism of A. Camus. *Colloquium-Journal*, (1-6), 46–49. [In Russian]
- Tsybova, I. A. (2019). Linguistic features of color transmission in the novel by A. Camus “The Stranger”. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, (2), 129–132. [In Russian]
- Yarychev, N. U. (2020). The absurdity of the world and the philosophy of rebellion by Albert Camus. *Economical and Humanitarical Researches of the Regions*, (3), 174–180. Retrieved July 14, 2026, from https://www.cegr.ru/docs/archive/journal_3_2020.pdf [In Russian]
- Bouhafs, F. (2026). Albert Camus: From the silence of the world to revolt. *Corps et Psychisme. Recherches en Psychanalyse et Sciences Humaines*, 13(1), 1675–1685. Retrieved July 14, 2026, from <https://corpsetpsychisme.com/cp/article/view/301>
- Camus, A. (1951a). *L'Homme révolté*. Gallimard. [In French]
- Camus, A. (1951b). *The Rebel: An Essay on Man in Revolt*. Alfred A. Knopf.
- de Araújo, R. L. (2016). Albert Camus et la poétique de Némésis. *Loxias. Doctoriales XIII*, 54. Retrieved July 14, 2026, from <https://hal.science/hal-04519724v1>
- Yilmaz, A. (2017). Les mythologies chez Albert Camus: volonté et singularité d'une condition duelle. *Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, (29), 7–16. [In French]

Информация об авторе

Владимир Сергеевич Тулунов, магистрант кафедры прикладной лингвистики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000233683@study.utmn.ru

Information about the author

Vladimir S. Tulupov, Master Student, Department of Applied and Theoretical Linguistics, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000233683@study.utmn.ru